УДК 130.2

РОССИЙСКИЙ ПРОВИНЦИАЛИЗМ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ

Яркова Елена Николаевна,
Тюменский государственный университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: mimus.lena@mail.ru

Аннотация
Статья посвящена выявлению роли провинциализма как социокультурного института в современном российском обществе. Исследуя теоретические предпосылки и исторические корни провинциализма, автор приходит к выводу, что этот институт является дисфункциональным, подлежащим преодолению.

Ключевые понятия:
социальный институт,
структурный функционализм,
функция,
дисфункция,
провинциализм,
столичноцентризм.

Понятие «социокультурный институт» можно рассматривать как один ключевых инструментов анализа специфики той или иной социокультурной общности, поскольку именно социокультурные институты являются конституирующей основой социальной организации. В самом широком смысле социокультурный институт есть совокупность социальных норм и культурных образцов, с помощью которых поддерживается существование и преемственность социальных структур. Исходя их этой дефиниции, в качестве одного из социокультурных институтов, значимой структурной единицы организации современного российского социума можно рассматривать такой феномен, как провинциализм. Последний можно представить как определенную ценностно-смысловую, нормативную систему, так или иначе регулирующую социальные отношения, влияющую на принятие социально значимых решений, выступающую в качестве важнейшего элемента социализации и социальной идентификации личности.

Провинциализм, будучи неотъемлемой частью российской культуры и общества, оценивается россиянами как явление одновременно позитивное и негативное: провинция позиционируется, с одной стороны, как захолустье, средоточие косности, застоя, с другой стороны, как заповедное место, хранилище народной культуры и высокой нравственности. Собственно говоря, сама возможность такого рода двойственной оценки социокультурных институтов учитывается уже самой научной парадигмой, разрабатывающей концепцию социокультурного института, – речь идет о структурном функционализме. В его рамках развивается положение о функциональности и дисфункциональности социокультурных институтов. Понятие «дисфункция» вводит один из классиков функционализма Р.К. Мертон, в его видении это понятие призвано фиксировать неблагоприятные результаты влияния одного элемента системы на другие, а также экспонировать уровень интегрированности социальной системы [1, С. 414]. В современной социальной науке складывается представление, что социальная система, будучи открытой и непрерывно эволюционирующей, наряду с функциональными элементами неизбежно включает и дисфункциональные, проблема заключается лишь в их балансе.

Итак, возникает закономерный вопрос – какую роль играет провинциализм в современном российском обществе и культуре, насколько функционален или дисфункционален этот институт и каково его влияние на социокультурное развитие?

Для выяснения ответа на этот вопрос обратимся к истории формирования российского провинциализма как социокультурного института. Начать, очевидно, следует с общетеоретических посылок – констатации того обстоятельства, что самоорганизация культуры и общества есть диалектический по своей природе процесс, протекающий на грани пересечения двух сил – центробежной и центростремительной. Центробежная сила приводит в действие механизмы дифференциации, направленные на бесконечное расчленение, усложнение, умножение многообразия культуры и общества. Центростремительная сила активирует механизмы интеграции, упорядочения сложившегося социокультурного многообразия. Как центростремительная, так и центробежная силы, взятые в отдельности, разрушительны. Доминирование центробежной, вдохновляемой идеалами культурного плюрализма, силы оборачивается атомизацией социума, его распадом на изолированные локусы. Преобладание центростремительной, питаемой идеалами культурного монизма, силы ведет к унификации культуры, тоталитаризации общества. Оптимальный способ социокультурной самоорганизации – балансирование на грани пересечения центробежных и центростремительных сил. Принцип баланса центробежных и центростремительных процессов универсален, т.е. действует на всех уровнях социокультурных организмов, он актуален как для человеческого общества в целом, так и для отдельных его сегментов.

Однако представленная схема самоорганизации общества и культуры отнюдь не задана как некоторый объективный, независимый от человеческой воли закон. Можно утверждать, что идея баланса центробежных и центростремительных процессов в культуре и обществе выстрадана человечеством. Она родилась в результате осмысления огромного исторического опыта, осознания жизненной необходимости поддержания как социокультурного единства, так и социокультурного многообразия. Как представляется, такого рода осознание возникло вследствие вытеснения инверсионной, абсолютизирующей оппозиционные смыслы, логики культуры логикой медиационной, диалогической, синтезирующей такого рода смыслы. А.С. Ахиезер рассматривает медиационную логику как источник диалогической по своей природе «срединной культуры» [2, С. 272].

В России процесс оттеснения инверсионной и становления медиационной логики культуры не получил завершения. Слабость «срединной культуры» определила характерное свойство российской истории – ее, по определению И.В. Кондакова, «пульсирующий характер», когда: «... периоды невыносимого социального давления, “сжатия”, централизации (...) сменяются периодами “разрежения”, расслабления, превалирования центробежных тенденций, распада государственной целостности и социокультурного единства...» [3, С. 643]. Существенным результатом слабости медиационной логики в России явилось развитие такого социокультурного института, как провинциализм. Последний есть продукт доминирования центростремительных процессов в обществе, конституирующих отношения центра и периферии как отношения господства – подчинения. Симптоматично, что само слово «провинция» использовалось в Древнем Риме для обозначения завоеванных римлянами вне Италии стран, которые управлялись римскими наместниками. Важнейшим принципом, вокруг которого формируется социокультурный институт провинциализма, является принцип столичноцентризма. Оппозиция «столица – провинция» организованна иерархически, монологична по своей природе, содержит идею культурного диктата столицы. Столица котируется как творец социокультурных норм, провинция – как послушный их исполнитель, соответственно провинциальная культура превращается в бледную копию столичной культуры, ее неумелый слепок. Об этом пишет, например, А.В. Павлов: «Собственно говоря, «столичность» – это процесс творчества норм и эталонов культуры, а провинциализм – процесс соответствия нормам и эталонам» [4, С. 51]. Уже эта характеристика провинциализма позволяет сделать предварительный вывод, что провинциализм как социокультурный институт не продуктивен по своей сути.

Провинциализм есть разновидность патернализма, ему свойственна постоянная оглядка на авторитеты, боязнь «непра-

вильных» суждений и поступков. Присущая провинциализму страсть к эпигонству отражается в обыденной, художественной, научной культуре. Будучи проводником конформизма, он рождает страх принятия самостоятельных решений, воспитывает инертность, косность, консерватизм.

Столичноцентризм можно рассматривать как разновидность авторитаризма, он замораживает рост многообразия культуры и общества, парализует творческие силы, препятствует свободе самовыражения. Столичноцентризм проявляет себя, различных сферах жизни общества. В социальной сфере он порождает такое явление, как социальное расслоение населения на столичных жителей и провинциалов. В сфере морали он санкционирует такой, не совместимый с принципами гуманизма, феномен, как уничижительное отношение к провинциалам как людям второго сорта. В сфере научной деятельности он формирует представление о профессиональном превосходстве столичной научной элиты над провинциальной научной элитой, тем самым оправдывает привилегированное положение первой относительно второй, причем это выражается в достаточно зримых акциях – распределении грантов, доступности публикаций в ведущих научных изданиях и т.д.

Но вернемся к провинциализму. Зачастую его воспринимают как явление безобидное, сугубо частное, как некий рудимент культуры, доставшийся нам от далеко прошлого. Автор этих строк категорически не согласен с такими определениями, как представляется, они порождены недооценкой провинциализма, который есть реально существующая социальная норма, социальный институт, влияющий на развитие российского общества гораздо больше, чем нам этого бы хотелось.

Исторически превращение российского провинциализма в социокультурный институт предопределялось определенными внешними обстоятельствами: огромным размахом территорий, низкой плотностью их населенности, неразвитостью коммуникаций. Западноевропейские небольшие, густонаселенные страны в этом плане были менее предрасположены к формированию института провинциализма.

Тем не менее, определяющим фактором кристаллизации российского провинциализма как социокультурного института явились не территориальная протяженность и разреженность населения, особое, присущее россиянам осмысление порядка, который ассоциировался с централизмом и авторитаризмом. Приверженность к идеалам могущественной централизованной власти рождало дисбаланс центробежных и центростремительных сил в обществе, в пользу последней.

Провинциализм как социокультурный институт складывается в России в XIX веке, тем не менее, провинциализация российских регионов берет начало в XIV–XV веках, в эпоху собирания земель вокруг Москвы, становления централизованного государства. Московское царство утверждало самодержавную власть, которая, по мнению ряда исследователей, не имела ничего общего с нормами западного абсолютизма, но являлась воплощением принципов восточной деспотии [5]. Московский самодержец, по утверждению В.О. Ключевского, считал себя вотчинником, объявляя всю страну своей собственностью [6, С. 120–127]. Таким образом, в России на первый план выдвигалась идея министериалитета (подданства), исключающая всякую возможность экономической, политической, культурной автономии ее регионов. Ростки городских вольностей, какие существовали в Новгороде, Пскове, Вятке, Смоленске, были жестоко подавлены – вслед за присоединением к Москве этих важных центров последовали насильственные переселения купцов. Исследователи указывают, что: «в 1488 году Великий князь Московский Иван III выслал из Новгорода и конфисковал владения крупных новгородских бояр. В 1487 – 1489 годах в Подмосковье и Поволжье было выселено около 7000 более мелких бояр и купцов, – новгородская элита по существу была ликвидирована…» [7, С. 37]. В результате такой перетасовки уделом купечества стала служба российскому государству: «представители купечества рассматривались московскими властями как государевы слуги, обязанные выполнять любые поручения и беспрекословно подчиняться великокняжеским указам…» [8, С. 44]. Борьба с инакомыслием приобретала жесткие формы. С целью регламентации и унификации частной жизни был создан «Домострой» – устав образцового поведения подданных Московского государства. Присоединение новых регионов, строительство новых городов: Самары, Саратова, Царицына, Уфы, крепостей: Тюмени, Верхотурья, Нарыма осуществля-

лось под знаком государственного экспансионизма, культурной ассимиляции.

Следующий этап развития российского провинциализма как социокультурного института связан с модернизационными начинаниями Петра I. Стратегия вестернизации, составляющая основу Петровских реформ, способствовала углублению провинциализации российского общества. Квалификация Запада как источника «правильной» жизни рождала представление о России как придатке Запада, западной провинции. Усилия реформаторов направлялись не на пробуждение внутренней инициативы, «проращивание» автохтонных творческих сил, но на использование и насаждение готовых западных образцов. Быть может, это был наиболее простой, однако едва ли перспективный путь достижения поставленных целей – догнать и перегнать Запад. Серьезным недостатком Петровских реформ можно считать такой феномен, как рост крепостничества – появление нового вида подневольных людей – прикрепленных к предприятиям посессионных крестьян. Г. Плеханов следующим образом комментировал этот феномен: «Европеизуя Россию, Петр доводил до его крайнего логического конца то бесправие жителей по отношению к государству, которое характеризует собой восточные деспотии»... [9. С. 34–35]. Главное творение Петра – Российская империя – была воплощением идеалов центризма. Бюрократическая регламентация достигала невиданных ранее масштабов, порождала обилие всяких руководств, формировала военный облик государства и общества. Особенно зримым этот феномен становится в николаевское время, когда из 53 российских губернаторов 41 был военным. Небольшие города формировались как в первую очередь административные, но не экономические или культурные центры. Застройка центральных улиц была по преимуществу стандартной, поскольку осуществлялась по типовым проектам казенных зданий, единым для всех городов империи [10. С. 26]. Каждый город был моделью всего чиновничьего государства: «...отказ от центробежных и произвольных тяготений лиц, местных провинциальных стремлений и традиционных групп общества во имя национально-государственного единства и единообразия принимал формы преклонения перед общим и абстрактным, логическим и надчеловеческим законом государства» [11, С. 110]. Это понятно, провинция для авторитарного государства была потенциальным источником нерегулярности, разнообразия, инаковости, точкой сопротивления огосударствлению культуры.

По распоряжению Николая I с 1832 г. в каждой российской губернии стали выходить «Губернские ведомости», ставшие рупором местной администрации. Местные газеты заполнялись не только официальными сообщениями, но и информацией о культурной жизни провинции. Однако для формирования интеллектуальных идей имела значение в основном столичная печать. В российской интеллектуальной культуре XIX века лексема «провинция» получает оценочный характер. Она использовалась как синоним всего устаревшего, тривиального, примитивно-подражательного. Провинциальная культура представлялась сниженной копией, а иногда и карикатурным двойником столичной культуры. Негативно-гротескные образы русских провинциалов создают Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.А. Островский. В отечественной социально-гуманитарной науке складывается «столичноцентристский» подход, в русле которого исследование российской культуры сводилось к изучению культуры Москвы, Петербурга. Провинциальная культура являлась предметом интереса краеведов и этнографов.

Итак, самодержавная Россия строилась по принципу иерархической пирамиды, вертикальные связи почти полностью вытесняли горизонтальные.

В советский период названные тенденции приобретают особую остроту. Например, В. Каганский отмечает такое явление, как гиперцентрализованность советского пространства, преобладание вертикальных, иерархически властных отношений, подавляющих горизонтальные, территориальные, обыденные [12]. Советская идеология претендовала на безраздельную власть в обществе, главная ее цель заключалась в том, чтобы, поглотив различия, унифицировать его разнородные части. Идея «стирания» различий – национальных, региональных – широко пропагандировалась партийными лидерами. Советская идеократия, в целом, была неотделима от столичноцентризма: именно столица была местом деятельности профессиональных идеологов, формирующих «лозунг момента» – систему идей, подлежащих внедрению в массовое сознание. Насаждение единообразия будило ответную

центробежную реакцию протеста против централизации и господства, порождало безудержное стремление к свободе, социальному и умственному раскрепощению. Распад СССР, по мнению ряда аналитиков, был «революцией регионов» [12, С. 191].

Между тем, сегодня становится все более очевидным тот факт, что Россия – страна регионов. Подлинным носителем российской культуры является не столько столичная, вестернизированная, подвластная модным влияниям, модифицированная под натиском массовой миграции культура, сколько культура региональная.

Долгое время российские регионы выступали в роли культурных доноров – поставщиков талантов. Здесь находили пристанище инакомыслящие. Питаясь творческой энергией регионов, столица экспортировала сюда все, что представлялось деструктивным, оппозиционным. Региональные сообщества обретали опыт соединения традиции и новации, консерватизма и модернизма. Например, именно в российских регионах в середине XIX века рождается идея синтеза народной агрикультуры и западноевропейских сельскохозяйственных новаций, которая противоречила практике правящих кругов, отвергающих опыт народной агрикультуры и нацеленной на заимствование западноевропейских достижений. Любопытно, что в регионах Сибири в деле налаживания сельскохозяйственного обучения и образования крестьян решающую роль играла не государственная, но общественная и частная инициатива. Например, существенное влияние на обучение и воспитание сибирского крестьянства оказала деятельность ялуторовской школы И.Д. Якушкина [13, С. 165–177]. Таким образом, региональная культура вырабатывала механизмы внедрения культурных инноваций, будучи мало подверженной модным течениям, она избирательно относилась к различного рода новинкам, искала свои непроторенные пути. В рамках региональных культур России создавались оригинальные формы экономической, религиозной, художественной культуры. Судьбы русского искусства зачастую определялись деятельностью «провинциалов», таких как М.А. Балакирев, А.А. Архангельский, или региональных течений, таких как Строгановская иконопись. В общей динамике русской культуры региональная культура играла роль стабилизирующего фактора, она способствовала сохранению лучших традиций, содействовала сглаживанию остроты различного рода радикальных реформ и контрреформ. Конечно, не стоит идеализировать региональную культуру, однако не следует и нивелировать ее творческий, интеллектуальный потенциал.

Резюмируя наши рассуждения о российском провинциализме как социокультурном институте, необходимо констатировать.

Несомненно, оптимальным способом бытия России является плодотворный диалог центра и регионов. Однако таковой возможен лишь при условии преодоления столь дисфункционального явления, каким является социокультурный институт провинциализма. Симптоматично, что на страницах Интернета он квалифицируется как «болезнь», которую необходимо лечить оперативным путем. Однако необходимо осознавать, что социокультурный институт не есть спущенная сверху директива, поэтому его невозможно «взять и отменить». Преодоление провинциализма требует времени и коллективных усилий государства, общества, научной и художественной элиты. Главное – понимать, что культурный, интеллектуальный потенциал России раскроется лишь тогда, когда уйдут в прошлое разрушительные стереотипы провинциализма и столичноцентризма, а им на смену придет созидательный принцип диалогизма.

---

1. Мертон, Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1994.

2. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. Второе издание переработанное и дополненное. Новосибирск, 1990.

3. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1997.

4. Павлов, А.В. Многомерность провинциализма // Филологический дискурс: Вестн. филол. фак. Тюм. гос. ун-та. Тюмень, 2004. Вып. 4. С. 51–60.

5. См., например, Трубецкой, Н.С. О туранском элементе в русской культуре //Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993.

6. См.: Ключевский, В.О. Соч. в 9 т. М., 1987–1990. Т. 2.

7. Политика и культура в российской провинции. Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области / Под ред. С. Рыженкова и др. М., 2011.

8. История предпринимательства в России / Книга первая. От средневековья до середины XIX века. М., 2000.

9. Плеханов, Г.В. История русской общественной мысли в 3 кн. М., Л., 1925. Кн. 2.

10. См.: Березовая, Л.Г., Берлякова, Н.П. История русской культуры: учеб. для студ. высш. учеб. заведений в 2 ч. М., 2002. Ч. 2.

11. Гуковский, Г.А. Русская литературно-критическая мысль в 1730–1750-е годы // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5.

12. См.: Каганский культурный ландшафт и советское обитаемое пространство / Сборник статей. М., 2001.

13. Козлов, С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М., 2002.

References

1. Merton, R.K. (1994) Javnye i latentnye funkcii [Explicit and Latent Functions] // Amerikanskaja sociologicheskaja mysl'. Teksty. Moscow [in Rus].

2. Ahiezer, A.S. (1990) Rossija: kritika istoricheskogo opyta (Sociokul'turnaja dinamika Rossii) Vol. II. Teorija i metodologija. Slovar' [Russia: critics of Historical Experience (Sociocultural dynamics of Russia). Theory and methodology. Dictionary]. 2nd ed. Novosibirsk [in Rus].

3. Kondakov, I.V. (1997) Vvedenie v istoriju russkoj kul'tury. Moscow [in Rus].

4. Pavlov, A.V. (2004) Mnogomernost' provincializma [Multidimensionality of Provincialism] // Filologicheskij diskurs: Vestn. filol. fak. Tjum. gos. un-ta. Tjumen'. N 4. P. 51–60 [in Rus].

5. E.g. Trubeckoj, N.S. (1993) O turanskom jelemente v russkoj kul'ture [About Turansk Element in Russian Culture] // Rossija mezhdu Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblazn. Antologija. Moscow [in Rus].

6. E.g. Kljuchevskij, V.O. (1987–1990) Soch. [Writings]: in 9 vol. Moscow. Volume 2 [in Rus].

7. Politika i kul'tura v rossijskoj provincii. Novgorodskaja, Voronezhskaja, Saratovskaja, Sverdlovskaja oblasti (2011) [Politics and Culture of Russian Province. Novgorod, Voronezh, Saratov, Sverdlovsk regions] / Ed. S. Ryzhenkova and others. Moscow [in Rus].

8. Istorija predprinimatel'stva v Rossii (2000): Kniga 1. Ot srednevekov'ja do serediny 19 veka [History of Russian Entrepreneurship. 1st book. From Middle Ages to the Middle of 19th cent.]. Moscow [in Rus].

9. Plehanov, G.V. (1925) Istorija russkoj obshhestvennoj mysli [History of Russian Public Idea]: in 3 books. Moscow, Leningrad, book 2 [in Rus].

10. E.g. Berezovaja, L.G., Berljakova, N.P. (2002) Istorija russkoj kul'tury: ucheb. dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij [History of Russian Culture: textbook for all educational establishments]: in 2 parts. Moscow. Part. 2 [in Rus].

11. Gukovskij, G.A. (1962) Russkaja literaturno-kriticheskaja mysl' v 1730–1750-e gody [Russian Literature and Critical Idea of 1730-1750th years] // XVIII vek. Moscow; Leningrad. Sb. 5 [in Rus].

12. E.g. Kaganskij Kul'turnyj landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo: Sbornik statej (2001) [Kagan Cultural Landscape and Soviet Inhabited Space: collection of papers]. Moscow [in Rus].

13. Kozlov, S.A. (2002) Agrarnye tradicii i novacii v doreformennoj Rossii (central'no-nechernozemnye gubernii). [Agrarian Traditions and Innovations in Pre-reform Russia (central provinces)]. Moscow, 2002 [in Rus].

UDC 130.2

RUSSIAN PROVINCIALISM AS SOCIAL AND CULTURAL INSTITUTE

Yarkova Yelena Nikolayevna,
Tyumen State University,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy,
Tyumen, Russia.
E-mail: mimus.lena@mail.ru

Annotation
The article is devoted to identifying the role of provincialism as socio-cultural institution in the modern Russian society. Exploring the theoretical background and the historical roots of provincialism, the author concludes that this institution is dysfunctional to be overcome.

Key concepts:
social institution, a structural functionalism, function, dysfunction, provincialism, capital centrism.